

Джозеф Шеридан Ле Фаню Завещание сквайра Тоби

«Лучшие истории о привидениях»: Терра-Книжный клуб; Москва, 1998
ISBN 5-300-02237-3

Аннотация

Старинный особняк Джайлингден-Холл окружен пустынной долиной. Семьдесят лет назад умер владелец имения — старый сквайр Тоби Марстон. У него осталось двое сыновей, но старый сквайр составил своё завещание таким образом, чтобы сделать их злейшими врагами. Но это было лишь началом...

Джозеф Шеридан Ле Фаню Завещание сквайра Тоби

История с привидениями

Путешественник, которому доводилось погожим осенним днем ехать в неторопливом дилижансе по старой дороге из Йорка в Лондон, наверняка помнит, как милях в полтора от таверны «Старый Ангел», что стоит в трех милях к югу от тихого городка Эпплбери, из-за поворота показывается старинный особняк, поросший мхом и потрепанный непогодой. Темные широкие балки пересекают давно не беленые стены, забранные решеткой окна сверкают в лучах заходящего солнца, словно бриллиантовая россыпь. К парадным дверям ведет широкая аллея, когда-то ухоженная, а ныне заросшая травой и сорняками так, что ее можно принять за старинное сельское кладбище. Аллею окружают двойные ряды могучих темных вязов, таких раскидистых, что особняк едва различим за ними. Однако то тут, то там в их торжественном строю обнаруживается прогалина, кое-где упавшие деревья даже перегородивают дорогу.

Мне частенько доводилось вглядываться в безмолвную сень аллеи с крыши почтового дилижанса, следующего в Лондон. Повсюду бросаются в глаза следы заброшенности и

упадка — из трещин в каменных ступенях пробиваются кудрявые пряди зеленой травы, над каминными трубами, из которых много лет не поднимался дымок, кружат крикливые галки. Вы поневоле заключаете, что место это давным-давно покинуто людьми и приходит в неминуемый упадок. Старинный дом называется Джайлингден-Холл. Мелькнув на мгновение среди могучих деревьев, мрачный особняк вскоре скрывается из глаз за высокими живыми изгородями. В четверти мили дальше по дороге под сенью печально склонившихся деревьев скрыта полуразрушенная саксонская часовня, которая с незапамятных времен служит местом захоронения усопших из семейства Марстонов. Печать заброшенности, лежащая на старинном обиталище этого рода, не обошла и древней усыпальницы, последнего приюта некогда знаменитой фамилии.

Пустынные окрестности Джайлингден-Холла подчеркивают печальное уединение этой обители. Особняк стоит в глухой Джайлингденской долине, безлюдной, словно заколдованный лес из сказки, где тишину нарушает лишь карканье ворон, выющихся над гнездами, да влажные вздохи оленя, с треском продирающегося сквозь густые ветви.

Уже много лет никто не думал о ремонте дома; то тут, то там на крыше недостает черепиц. Повсюду чувствуется нужда в «стежке, сделанном вовремя», том самом, что, согласно пословице, стоит девяти. На северной стороне замка, открытой ураганным ветрам, часто бушующим в долине, не осталось ни одного целого окна, да и ставни являют собой слабую защиту от непогоды. Потолок и стены покрылись зелеными пятнами плесени. В тех местах, где с протекающего потолка беспрестанно капает вода, пол прогнил насквозь. В бурные ночи, по словам сторожа, ветер с жутким воем мечется по пустым галереям, а хлопанье дверей в старом доме слышится даже на Грайстонском мосту.

Предпоследний владелец дома, сквайр Тоби Марстон, умер семьдесят лет назад. Он был славен в этих краях своими великолепными гончими, щедрым хлебосольством и необузданными пороками. Случалось, он творил добро, но при этом положил немало людей на дуэлях; охотно раздавал деньги направо и налево, однако частенько порол слуг конским кнутом. С собой в могилу он унес немало благословений и куда больше проклятий; длинный шлейф долгов и закладных, тянувшихся за поместьем, привел в ужас его сыновей, начисто лишенных деловой жилки. Вплоть до самой смерти отца они и не подозревали, насколько близко к роковой черте подвел их поместье этот щедрый, порочный сквернослов.

После смерти отца сыновья съехались в Джайлингден-Холл. Перед ними на столе лежало завешание, вокруг сидели стряпчие, готовые его истолковать. Обоим было совершенно ясно, какую обузу взвалил на их плечи покойный отец. Завешание было составлено так, что два брата в единый миг превратились в злейших врагов.

Трудно представить себе людей более непохожих друг на друга, чем братья Марстоны. Общим у них было только одно качество, унаследованное от отца: если уж они ссорились с кем-то, то шли в своей ненависти до конца, не размениваясь на мелкие пакости. Старший из отпрысков, Скруп Марстон, был куда опаснее брата. Старый сквайр никогда не питал привязанности к старшему сыну. Тот не имел вкуса к охоте в полях и прочим радостям деревенской жизни. Сложение он имел отнюдь не богатырское, и вряд ли кто-то решился бы назвать его красавцем. За это сквайр его и презирал. Юноша, никогда не питавший уважения к отцу, а с возрастом избавившийся от детского страха перед его тяжелой рукой, платил ему той же монетой. Неприязнь сварливого старика со временем переросла в откровенную ненависть. Он часто сокрушался, что этот проклятый щенок, ничтожество, мерзкий горбун Скруп стоит поперек дороги у порядочных людей — старик имел в виду своего младшего сына Чарльза. Будучи навеселе, сквайр нередко изрыгал такие проклятия, что вздрагивали даже блюдолизы, старые и молодые, охотившиеся с его гончими и пившие его портвейн, а уж им было не привыкать к богохульствам.

Скруп Марстон был немного горбат; вытянутое желтоватое лицо, жгучие черные глаза и длинные темные волосы, свисавшие сальными прядями на сутулые плечи — такая неприглядная внешность нередко встречается у людей с подобным физическим недостатком.

— Не отец я этому уроду! Не я его породил, и баста! Черт бы его побрал! Скорее я

назову своим сыном эту кочергу! — рычал старик, вспоминая длинные тощие ноги отпрыска. — Вот Чарли — парень что надо, а это что? Обезьяна какая-то. И нравом зол; нет в нем ничего от Марстонов — ни ловкости нашей, ни отваги.

А напившись как следует, старый сквайр частенько божился, что «не сидеть больше черномазому остолопу за этим столом и не пугать честной народ в Джайлингден-Холле своей вытянутой рожей! Вот красавчик Чарли — это по мне, парень хоть куда. Знает, с какой стороны подойти к лошади, и за бутылочкой посидеть не дурак. Все девчонки от него без ума. Истинный Марстон с головы до пят, на все свои шесть футов два дюйма!»

Однако с Красавчиком Чарли у отца тоже не раз случались перебранки. Старый сквайр был скор как на язык, так и на руку, в которой часто оказывался длинный кнут, а если этого оружия под рукой не находилось, пускал в ход тяжелые кулаки. Красавчик Чарли, однако, считал, что телесные наказания — не про него, и однажды, когда портвейн лился рекой, сделал некий намек в адрес Мэрион Хейворд, дочери мельника, которую старый джентльмен по ряду причин недолюбливал. Старик был знаком с правилами кулачного боя куда лучше, чем с искусством владеть собой; будучи изрядно под хмельком, он, к удивлению присутствующих, замахнулся на Красавчика Чарли. Юноша искусно увернулся; послышался звон разбитого графина. Однако в старике разыгралась кровь, он вскочил со стула, как ужаленный. Красавчик Чарли тоже решил защищаться не на жизнь, а на смерть. Пьяный сквайр Лилбурн, попытавшийся остановить драку, рухнул навзничь на пол и порезал ухо о разбитый стакан. Красавчик Чарли открытой рукой отразил обрушившийся на него мощный удар, схватил отца за галстук и швырнул спиной о стену. Говорят, никто никогда еще не видал старого сквайра в такой ярости: глаза его вылезли из орбит, на губах выступила пена. Красавчик Чарли крепко прижал отца обеими руками к стене.

— Ну, ну, полно, не болтай больше ерунду, и я тебя не трону, — прохрипел сквайр, пунцовый, как вареный рак. — Ловко ты меня припер, ничего не скажешь. А? Ну, Чарли, старина, дай руку, малыш, и садись со мной, слышишь? — На этом схватка закончилась; думаю, сквайр никогда больше не осмеливался поднять руку на Красавчика Чарли.

Однако те дни давно миновали. Остывшее тело старого Тоби Марстона лежало в могиле под раскидистым ясенем возле развалин саксонской часовни, там, где обратились в прах и обрели забвение многие представители старинного рода Марстонов. Лишь в памяти сыновей осталось приплюснутое лицо старого сквайра, отмеченное печатью самых низких страстей, потрепанные охотничьи сапоги и кожаные штаны, засаленная треуголка, с которой старый упрямец упорно не желал расставаться, и знаменитый красный жилет, достигавший владельцу чуть ли не до колен. Теперь же братья, между которыми он посеял непримиримую вражду, в траурных костюмах, еще не растерявших свежего лоска, сидели друг напротив друга за тяжелым столом в обитой дубом просторной гостиной, где так часто слышались добродушные шутки и грубые песни, где звучала брань и смех окрестных помещиков, которых старый сквайр любил собирать у камина в усадьбе.

Эти молодые люди, возвращенные в Джайлингден-Холле, не были приучены сдерживать языки, а при необходимости, не задумываясь, пускали в ход кулаки. Ни тот, ни другой не присутствовали на похоронах отца. Смерть его была внезапной. Однажды ночью ему, не в меру буйному и веселому после портвейна с пуншем, слуги, как обычно, помогли лечь в постель, а наутро он был найден мертвым. Голова его свешивалась с кровати, лицо почернело и опухло.

Своим завещанием сквайр отказал нелюбимому горбуну во владении Джайлингден-Холлом, поместьем, которое с незапамятных времен переходило от отца к старшему сыну. Скруп Марстон сгорал от ярости. Он расхаживал по комнате, изрыгая громкие проклятия в адрес покойного отца, и неистово молотил кулаком по столу. Эти звуки приводили в ужас лакеев, подслушивавших за дверями. Затем к глубокому голосу Скрупа присоединился другой, более хриплый — на брата бешено набросился Чарли. Последовала короткая перепалка, оба голоса набирали силу и злость. Перепуганные стряпчие пытались увещевать братьев, но их бормотание лишь усилило общий сердитый гомон. Внезапно все стихло. Из

комнаты, сжав кулаки, выскочил Скруп; его бледное лицо в обрамлении длинных черных волос стало от ярости еще блее, темные глаза бешено сверкали, неуклюжая горбатая фигура, содрогающаяся в злобных конвульсиях, казалась еще уродливее.

Должно быть, братья сказали друг другу что-то невероятно жестокое, потому что Чарли, хоть и вышел из схватки победителем, пылал злобой не меньше, чем Скруп. Старший брат отстаивал свое право на владение домом и намеревался затеять судебный процесс, дабы выселить соперника из родового поместья.

Однако стряпчие не поддерживали этой затеи. Поэтому он, исполненный желчи, отправился в Лондон и нашел там юридическую контору, заправлявшую делами отца. Там его встретили довольно приветливо, заглянули в имущественные акты и обнаружили, что среди семейной собственности, доверенной конторе его отцом, Джайлингден не значится. Это было очень странно, однако ничего не поделаешь: старый сквайр недвусмысленно оговорил, что право распоряжаться родовой усадьбой, Джайлингден-Холлом, остается за ним. Поэтому стряпчие не могли оспаривать, что старый сквайр волен поступить с поместьем по завещанию как ему угодно.

Несмотря ни на что, Скруп, горя жаждой отмщения, стремился уничтожить брата любой ценой, даже если это будет стоить жизни ему самому. Он затеял тяжбу против Красавчика Чарли и пытался оспорить завещание старого сквайра сначала в гражданском, потом в королевском суде; вражда между братьями разгоралась с каждым месяцем все сильнее.

Скруп проиграл, и поражение отнюдь не смягчило его. Чарли, может быть, и простил бы брату сказанные в угаре страсти жестокие слова, однако долгая череда мелких стычек, бесконечных ходатайств и прочих передраг, составляющих юридическую эпопею наподобие той, в какой сошлись братья Марстоны, не обошла стороной и его. Тяжкое бремя судебных издержек легло и на его широкие плечи, что отнюдь не улучшает настроения человеку, находящемуся в весьма стесненных финансовых обстоятельствах.

Прошли годы; отношения между братьями не налаживались. Напротив, глубокая язва давней ненависти разрасталась день ото дня. Ни один из братьев так и не женился. Но тут на Чарльза Марстона свалилась беда совсем иного рода, беда, лишившая его многих жизненных радостей.

Однажды на охоте Чарли неудачно упал с верховой лошади. Он переломал ноги и руки и получил тяжелое сотрясение мозга. Довольно долго врачи не на шутку опасались за его жизнь. Однако Чарли разочаровал злопыхателей. Он поправился, однако падение привело к двум серьезным последствиям. Во-первых, Чарли сильно повредил бедро и вынужден был до конца жизни забыть о верховой езде. Во-вторых, буйное веселье, никогда прежде не изменявшее ему, покинуло Красавчика навсегда.

Пять дней Чарли пребывал без сознания, в глубокой коме, а придя в себя, начал жаловаться на бесконечную неопишемую тревогу.

Том Купер, служивший в Джайлингден-Холле дворецким еще в давние золотые деньки, при покойном сквайре Тоби, с привычной добросовестностью нес службу и по сей день, когда бывшее великолепие поблекло, а хозяйство велось куда как экономно. Со смерти старого хозяина прошло двадцать лет. Верный лакей похудел, ссутулился, лицо его, потемневшее от старости, покрылось морщинами, а нрав стал грубым и упрямым. Смягчался он лишь наедине с хозяином.

Чарли съездил поправить здоровье в Бат и Бакстон, однако курорты не принесли ему облегчения — он все так же угрюмо хромал, опираясь на палку. С продажей любимой охотничьей лошади в Джайлингден-Холле угасла последняя искра былых традиций. Будучи не в силах охотиться, молодой сквайр, как его по привычке звали, стал вести уединенную жизнь затворника. Мрачный, как туча, он, хромя, медленно ковылял вокруг старого дома, почти не поднимая глаз.

Старый Купер пользовался привилегией от случая к случаю говорить хозяину все, что думал. Однажды, подавая Красавчику шляпу и трость, он заявил:

— Встряхнулись бы вы немного, мастер Чарльз!
— Для меня, старина Купер, со встрясками давно покончено.
— Вот что я думаю, хозяин: что-то вас гнетет, и вы нипочем не хотите в этом признаться. Не стоит держать камень на душе. Если выговоритесь, вам станет легче. Ну, мастер Чарли, выкладывайте, что стряслось?

Круглые серые глаза сквайра заглянули прямо в лицо Куперу. Тому почудилось, что с хозяина словно спали зловещие чары. Он был похож на привидение, которому древнее заклятье запрещало говорить первым до тех пор, пока кто-нибудь не скажет ему хоть слово. Горящими глазами сквайр всмотрелся в Купера и глубоко вздохнул.

— Вы не в первый раз догадываетесь обо всем без слов, старина, и я рад, что вы об этом заговорили. Тяжесть эта гнетет меня с того самого дня, как я упал с лошади. Идите сюда за мной и закройте дверь.

Сквайр толкнул тяжелую дверь дубовой гостиной и рассеянно обвел взглядом картины на стенах. Он уже давно не бывал здесь. Сев за стол, он снова пристально взгляделся в лицо Купера, а затем заговорил.

— У меня на сердце не бог весть какая тяжесть, Купер, но она гнетет меня. Я не раскрою эту тайну ни священнику, ни доктору; кто знает, что они скажут, хотя тут нет ничего особенного. Но вы всегда верно служили моей семье, и вам я могу довериться.

— Рассказать мне, мастер Чарли, это все равно что положить в сундук и сбросить в колодец.

— Вот что меня гнетет, — сказал Чарльз Марстон, выводя на полу концом трости причудливые линии. — Все те дни, когда я лежал точно мертвый — после падения, когда вы думали, что я без сознания, помните? Так вот, тогда я был со старым хозяином. — Он поднял глаза на Купера, гнусно выругался и повторил: — Да, Купер, я был с ним!

— Он был хороший человек, по-своему, сэр, — молвил Купер, благоговейно воздев глаза. — Хороший хозяин для меня, хороший отец для вас. Надеюсь, сейчас он обрел счастье. Упокой, Господи, его душу!

— Да, — сказал сквайр Чарльз, — в этом все и дело — все это время я был с ним, а может, он был со мной, не знаю. В общем, мы были вместе, и я думал, что на этот раз мне от него не вырваться, а он все твердил и твердил мне об одном и том же, и знаешь, Купер, когда я проснулся, с тех самых пор, клянусь, даже для спасения своей жизни не смогу вспомнить, что же это было. Я руку бы отдал на отсечение за то, чтобы узнать, о чем он мне втолковывал; и, Купер, если тебе когда-нибудь придет в голову, что же это могло быть, ради Бога, не бойся, расскажи мне. Это был он, ей-богу, и грозился прикончить меня, если я его слушаюсь.

Наступила тишина.

— А сами вы как думаете, мастер Чарли, что бы это могло быть? — спросил Купер.

— Ничего в голову не идет. Никогда мне не напасть на след — никогда, слышишь? Может, это было что-нибудь о проклятом горбуне, Скрупе, что клялся перед судьей Гингэмом, будто я уничтожил доверительный акт на поместье — я и отец. Клянусь спасением души, Том Купер, никогда я не слыхал более гнусной лжи! За такие слова надо бы его к суду притянуть да наложить штраф раз в десять больше, чем у него есть, да только с тех пор, как в Джайлингдене перевелись денежки, судья Гингэм ради меня пальцем не пошевелит, а сменить стряпчего я не могу, я ему кучу денег задолжал. А он, мерзавец, клялся, что когда-нибудь повесит меня за такие штучки. Да, так и сказал — не успокоюсь, мол, до тех пор, пока не отправлю тебя на виселицу, так что, наверно, о чем-то таком старый хозяин и тревожился. С ума можно сойти. Никак вспомнить не могу, ни слова не идет в голову, только угрозы, а вид у него был — прости, Господи, нас, грешных — страшнее некуда!

— Что ж тут удивительного. Помилуй, Господи, его душу! — вставил старый дворецкий.

— Да уж точно. И не говори никому, Купер, слышишь — ни одной живой душе, что

вид у него был хуже некуда.

— Боже упаси! — потряс головой старый Купер. — А я, сэр, вот что думаю: может, он решил, что мы ему почтения мало оказываем? Ни камня могильного не положили, ни имени на табличке не написали. Может, потому и обиделся.

— И то правда! Как я раньше не додумался. Надевай шляпу, старина, и пойдем со мной. И впрямь пора присмотреть за могилой.

В дальнем уголке парка, у обочины дороги, под сенью могучих деревьев лежит небольшой старинный погост. К нему ведет узенькая извилистая тропинка. Близился ясный осенний закат. Заходящее солнце разрисовало причудливыми длинными тенями увядающие окрестности замка. Молодой сквайр и старый дворецкий медленно брели туда, где вскоре суждено было лежать и самому Красавчику Чарли.

— Что это за пес так завывал вчера ночью? — спросил сквайр дорогой.

— Чудной какой-то пес, мастер Чарли. Наши-то все были во дворе, а этот бегал перед домом — белая собака с черной головой, бегал да все обнюхивал крылечко, которое поставил старый хозяин, помилуй его Бог, чтобы залезать на лошадь, когда у него колено болело. А потом вскарабкался на самую верхушку да принялся выть прямо на окна. Так и захотелось швырнуть в псину чем-нибудь, ей-богу!

— Эй! Уж не этот ли? — внезапно остановился сквайр, указывая тросточкой на грязно-белого пса с огромной черной головой. Пес широкими кругами носился вокруг них, то и дело припадая к земле с той робкой униженностью, какую хорошо умеют напускать на себя собаки. Чарли свистом подозвал пса. Это был большой голодный бульдог.

— Да, изрядно его поносило по свету — тощий, как палка, весь в грязи, а когти стерлись аж до самых лап, — задумчиво произнес сквайр. — Знаешь, Купер, пес неплохой. Отец любил хороших бульдогов, умел отличить дворняжку от породистого пса.

Пес умоляюще заглядывал прямо в лицо сквайра. На морде у него застыло свойственное этой породе угрюмое выражение, и сквайру невольно пришла в голову непочтительная мысль: до чего же похожа эта псина на его курносого отца, когда, яростно сжимая хлыст, он на чем свет стоит ругал сторожа.

— Надо, пожалуй, его пристрелить. Будет скотину пугать да наших собак резать, — сказал сквайр. — Слышишь, Купер? Велю сторожу, чтобы сделал все, как надо. Такому зверю ничего не стоит овцу загрызть, да только не видать ему моей баранинки.

Но от собаки было не так-то легко отделаться. Он тоскливо взирал на сквайра, а когда мужчины отошли подальше, робко двинулся за ними. Напрасно сквайр с дворецким пытались его прогнать. Зверь кругами метался вокруг них, подобно адскому псу из «Фауста», разве что не оставлял за собой огненный след. При этом он напускал на себя заискивающий вид, от которого непременно дрогнет сердце у всякого, кто ослеславлен столь неожиданной привязанностью. Растроганный сквайр снова подозвал пса, потрепал по спине и не сходя с места признал своим.

Пес прилежно следовал за ними по пятам, словно всю жизнь прожил в Джайлингден-Холле под покровительством Красавчика Чарли. Купер отпер узкую железную дверцу, и пес вошел следом за ним в древнюю часовню без крыши.

Правильными рядами темнели на полу могилы рода Марстонов. Часовня не была похожа на склеп. Покойники лежали в отдельных могилах, окруженных каменными бордюрами. Над могилами возвышались каменные саркофаги; на крышке каждого из них была высечена эпитафия. Только на могиле сквайра Тоби не было надгробной надписи, лишь трава да каменный бордюр выдавали место погребения в ожидании времен, когда семья сможет позволить себе возвести подобающий надгробный памятник.

— Да, выглядит и впрямь неважно. Вообще-то это забота старшего брата, но, раз уж ему дела нет, я сам присмотрю за могилой. Да, старина, я высеку крупными буквами, что старший братец не хочет руку приложить к отцовской могиле и взвалил все на младшего.

Они побродили по маленькому кладбищу. Солнце низко склонилось над горизонтом, облака сияли тусклым металлическим блеском, словно раскаленные докрасна свинцовые

болванки. Лучи солнца, отраженные от низких туч, разливали в сумерках зловещий багрянец. Чарли еще раз оглянулся на крохотную часовню — безобразный пес растянулся на могиле сквайра Тоби и казался раза в два длиннее своего естественного роста. Он вытворял такие штуки, что у молодого сквайра мурашки поползли по спине. Если вам доводилось видеть, как кошка катается по полу, обхватив лапами пучок валерианы, как она извивается и скребет когтями в чувственном экстазе, то вы имеете приблизительное представление о том, что выделял на глазах у Красавчика Чарли осатаневший пес. Голова чудовища раздулась до неузнаваемости, тело стало длинным и тощим, лапы беспорядочно вихлялись. Сквайр с Купером изумленно взирали на него. Вдруг сквайр, дернувшись от отвращения, дважды обрушил на нежить тяжелую трость. Зверь очнулся и, толстый и кривоногий, как обычно, яростно оскалится на сквайра, стоявшего напротив него в ногах могилы. Глаза его горели злобным зеленым огнем.

Мгновение спустя пес униженно ластился к ногам сквайра.

— Вот образина! — проговорил старый Купер, сурово глядя на пса.

— А мне он нравится, — заметил сквайр.

— А мне нет, — отрезал Купер.

— Но сюда он больше не войдет, — пообещал сквайр.

— Не удивлюсь, если окажется, что он оборотень, — пробормотал Купер. Он помнил куда больше сказок о нечистой силе, чем нынче ходит в этих краях.

— Пес что надо, — задумчиво обронил сквайр. — В былые времена я бы за него гроша ломаного не дал, но теперь я уж не тот. Пошли. — Он нагнулся и похлопал пса по спине. Бульдог подскочил на месте и просительно заглянул в лицо, словно ожидая приказа, малейшего повелительного знака, которому он был готов повиноваться.

Куперу эта собака ни капли не нравилась. Он не мог понять, что нашел в нем сумасбродный хозяин. Ночами дворецкий сажал пса в оружейную, а днем тот сопровождал хромого старика в прогулках по окрестностям. Чем больше восторгался найденышем угрюмый сквайр, тем меньше любили его Купер и остальные слуги.

— Ничего-то в нем путного нет, — ворчал Купер. — По-моему, мастер Чарли ослеп. Даже Капитан (старый красный попугай, что сидел на насесте в дубовой гостинной с цепочкой на ноге и целыми днями болтал сам с собой, чистил когти да грыз перекладину), даже старый Капитан, единственная живая душа, не считая нас со сквайром, что помнит старого хозяина, едва увидел пса, завизжал как ошпаренный, распушил перья, кувырнулся с насеста и повис вверх тормашками. Удар хватил бедолагу.

Но никто не обращал внимания на его фантазии. Сквайр был из тех упрямцев, что цепляются за свои капризы тем упорнее, чем настойчивее пытаются другие их разубедить. Однако хромота сильно подорвала здоровье Чарльза Марстона. Внезапный переход от подвижного образа жизни к вынужденному затворничеству никогда не проходит бесследно; сквайр, доселе не знавший, что такое несварение желудка, теперь всерьез маялся приступами этой неприятной болезни. По ночам его частенько мучили кошмары. Главным и нередко единственным его преследователем в дурных снах был любимчик-пес. Бульдог вытягивался во весь рост у кровати сквайра, садился в ноги и чудовищно увеличивался в размерах. Морда его приобретала ужасающее сходство с приплюснутой физиономией сквайра Тоби; казалось, пес перенимал даже его манеру откидывать голову и вздергивать подбородок. Потом пес заводил долгие беседы насчет Скрупа и говорил, что, мол, «нечестно это», «надо с ним помириться», дескать, он, старый сквайр, «подложил ему свинью», однако «что сделано, то сделано», и теперь у него «душа болит о Скрупе». Затем это кошмарное чудовище, получеловек-полужверь, наваливалось на Чарльза, тяжелое, как свинец, подползало прямо по его телу, опускало уродливую морду ему на лицо и начинало кататься, нежась и корчась, точь-в-точь как тогда, на могиле старого сквайра. Чарли с воплями просыпался, хватая ртом воздух и обливаясь холодным потом, и тут ему мерещилось, что в ногах кровати скользит смутная белая тень. Ему хотелось думать, что это занавеска с белой подкладкой или же покрывало, невзначай потревоженное в ночных метаниях, однако Чарли готов был дать

голову на отсечение, что белая тень торопливо соскальзывает с кровати и удирает. Наутро после таких снов пес становился более обычного ласков и услужлив, словно пытался веселыми ужимками загладить невольное отвращение, которое оставили после себя ночные кошмары хозяина.

Доктор успокаивал сквайра, уверяя его, что в таких сновидениях нет ничего особенного, кошмары в той или иной форме неизменно сопутствуют несварению желудка. Однако заверения доктора не принесли ему покоя. Словно подтверждая слова врача, на какое-то время пес напрочь исчезал из ночных видений Чарли. Но в конце концов кошмарное чудовище явилось снова, куда более устрашающее, чем раньше.

Комната в том кошмарном видении была погружена в непроглядную тьму. До сквайра донесся приглушенный топот: он знал, что это пес распахнул дверь и медленно обходит вокруг кровати. Комната была не полностью покрыта ковром, и Чарли клялся, что отчетливо слышит характерные собачьи шаги, тихое клацанье когтей по голому полу. Пес шел крадучись, не спеша, однако при каждом шаге комната сотрясалась. Чарли почувствовал, как невидимая тяжесть опускается на изножье кровати, различил мерцающий блеск пары зеленых глаз и не мог отвести взгляда. Затем он услышал голос, до отвращения похожий на ворчание старого сквайра: «Миновал одиннадцатый час, а ты, Чарли, так ничего и не сделал. Мы с тобой дурно обошлись со Скрупом!» Затем наступило молчание, и голос завел снова: «Время близится, часы пробьют!» С долгим жалобным стоном неведомое существо начало ползти вверх по ногам Чарли. Рык нарастал, зеленоватый отблеск горящих глаз падал на простыню. Пес вытянулся вдоль тела несчастного сквайра, ткнулся мордой прямо в его лицо. С громким криком Чарли проснулся. Свеча, которую он в последнее время привык оставлять зажженной, почему-то погасла. Чарли боялся встать с постели, боялся даже оглядеться, так отчетливо ощущал он на себе пристальный взгляд зеленых глаз, направленный на него из дальнего угла комнаты. Едва он оправился от ужаса и начал собираться с мыслями, как часы пробили полночь. Ему вспомнились слова чудовищного пса: «Миновал одиннадцатый час, время близится, часы пробьют!» У Чарли мороз пробежал по спине: ему почудилось, что тот же голос вот-вот снова заведет с ним разговор.

Наутро сквайр выглядел совсем разбитым.

— Старина Купер, — начал он. — Ты знаешь комнату, которую называют «Спальной царя Ирода»?

— Еще бы, сэр. Когда я был мальчишкой, на стенах в ней была нарисована история царя Ирода.

— Там вроде был чулан.

— Точно не помню, сэр; если и есть, лучше в него не заглядывать. Обивка на стенах вся прогнила и отвалилась еще до того, как вы родились. Там ничего нет, только старый хлам. Я сам видел, как бедняга Твинкс складывал туда какое-то барахло. Помните Твинкса? Ливрейный лакей, слепой на один глаз. Он помер в ту зиму, когда много снега выпало. Ох и трудно было его хоронить!

— Найди ключ, старина, я хочу заглянуть туда, — сказал сквайр.

— А какого дьявола вам там нужно? — непочтительно поинтересовался Купер, что, однако, в те давние времена не возбранялось дворецким в сельских поместьях.

— А какого дьявола ты суешь свой нос куда не надо? Но, впрочем, я тебе скажу. Мне надоело, что пес ночует в оружейной, хочу переселить его куда-нибудь. Почему бы и не туда?

— Бульдога — в спальню? Да вы что, сэр! Люди скажут, вы с ума сошли!

— Ну и пусть их говорят. Давай ключ, пойдем посмотрим комнату.

— Да пристрелите вы его, мастер Чарли. Вы что, не слышали, какой шум он поднял вчера ночью в оружейной? Расхаживал туда-сюда, будто тигр в балагане. И, что ни говорите, я бы за этого пса гроша ломаного не дал. В нем и собачьего-то ничего нет. Дрянь, а не собака.

— Я в собаках лучше разбираюсь. Это пес что надо! — сердито бросил сквайр.

— Разбирайся вы в собаках, вы б его давно повесили, — возразил Купер.

— Я сказал, не стану его вешать. Иди за ключом, да по дороге не болтай. Я могу и передумать.

Внезапный каприз посетить Комнату царя Ирода имел под собой совсем иную причину, нежели та, что сквайр поведал Куперу, Голос в ночном кошмаре отдал Чарльзу некое повеление, и слова эти преследовали его день и ночь. Он знал, что не обретет покоя, пока не выполнит волю неведомого чудовища. Нынче сквайр уже не питал к собаке прежней привязанности; напротив, душу его разъедали ужасные подозрения. И если бы старый Купер не раздражил его упрямство, пытаясь поднажать на хозяина, он бы, пожалуй, еще до вечера избавился от странного приبلудыша.

Сквайр с Купером поднялись на четвертый этаж, где давно никто не жил. Нужная им комната находилась в конце пыльной галереи. Старинные гобелены, давшие просторной спальне ее имя, давно уступили место более современным бумажным обоям, да и те насквозь проплесневели и ключьями свисали со стен. На полу пушистым ковром лежала пыль. В углу были свалены в кучу поломанные стулья и шкафы, тоже покрытые толстым слоем пыли.

Они вошли в чулан, совершенно пустой. Сквайр огляделся по сторонам, и трудно было сказать, радуется он или разочарован.

— Мебели нет, — проговорил сквайр и выглянул в запыленное окно. — Ты мне что-то говорил — только не нынче утром — то ли об этой комнате, то ли о чулане... не помню...

— Бог с вами! Ничего я не говорил. Я об этой комнате уж лет сорок не вспоминал.

— А есть здесь такая старинная штукавина... называется, по-моему, буфетка? Не помнишь? — спросил сквайр.

— А, буфетка? Как же, была, хорошо вы мне напомнили, в этом чулане точно была буфетка, — сказал Купер. — Но ее обоями заклеили.

— А что это такое?

— Буфетка-то? Маленький шкафчик в стене.

— Ага, понял. И такая штука спрятана тут под обоями? Покажи-ка, где она.

— М-м-м... По-моему, где-то здесь. — Дворецкий простучал костяшками пальцев стену напротив окна. — Ага, вот она, — воскликнул он, когда деревянная дверца отозвалась гулким звуком. Сквайр содрал со стены отставшие обои — их взглядам предстала квадратная дверца стенного шкафа, футов двух в поперечнике.

— Как раз то, что нужно. Буду здесь держать пряжки, пистолеты и прочую мишуру, — сказал сквайр. — Пошли, пусть собака остается там, где есть. У тебя есть ключ от этой дверцы?

Ключа у дворецкого не было. Старый хозяин выкинул из шкафчика все, что там было, повесил замок и велел заклеить обоями, вот и весь сказ.

Сквайр спустился вниз, взял в мастерской крепкую отвертку, крадучись вернулся в Спальню царя Ирода и без труда взломал дверцу потайного шкафа. Внутри оказалось с десяток писем да старых счетов. В углу лежал пергаментный свиток — сквайр поднес его к окну, внимательно прочитал и нервно передернул плечами. Сей имущественный документ был составлен двумя неделями позже остальных, незадолго до отцовской женитьбы, и гласил, что Джайлингден представляет собой так называемое «заповедное имущество», то есть наследуется исключительно по мужской линии, от отца к старшему сыну. За время долгой тяжбы о наследстве Красавчик Чарли приобрел кое-какие юридические познания и хорошо понимал, что теперь он обязан передать Скрупу дом и поместье, но этим дело не ограничится: вновь обретенный документ ставил его в полную зависимость от разъяренного брата, и тот имел полное право потребовать с него выплаты, вплоть до последней гинеи, всех доходов от поместья, полученных со дня смерти отца.

День стоял пасмурный и унылый. Раскидистая крона могучего дерева, что нависало над окном, затемняла комнату, и сумрачные тени, клубившиеся в углах, угрожающе сгустились.

Сквайр попытался обдумать свое положение, но мысли в смятении путались. Он чуть было не решил уничтожить пергамент, но, так и не отважившись, сунул его в карман. Какой-

нибудь год назад он бы не колебался ни минуты, но теперь здоровье было уже не то, нервы пошаливали, душу бередил суеверный ужас, и странная находка лишь подлила масла в огонь.

Не в силах шелохнуться, он услышал у двери чулана тихое фырканье, за которым последовал нетерпеливый скрежет и протяжный рык. Сквайр набрался храбрости и, не зная, что подумать, распахнул дверь. На пороге стоял пес, не раздувшийся до неузнаваемости, как в ночных кошмарах, а веселый и приветливый, как всегда. Пес радостно вилял хвостом, подскакивал и покорно припадал к земле.

Оказавшись в чулане, зверь заглянул во все углы и угрожающе зарычал, словно почуяв невидимого врага.

Вскоре пес успокоился, снова припал к ногам хозяина и завилял хвостом. Когда ужас и отвращение первых минут улеглись, сквайру стало жаль бедное животное. Эта собака так одинока и ничем не заслужила хозяйской ненависти. Сквайр был готов сменить гнев на милость и заставил себя ласково потрепать животное по спине.

Пес трусил за ним по лестнице. Удивительным образом появление животного, в первый миг так напугавшее сквайра, успокоило его: это не призрачное чудовище, а всего лишь пес, верный друг, преданный и добродушный.

К вечеру, поразмыслив, сквайр остановился на золотой середине: он не станет ни уничтожать пергамент, ни сообщать о нем брату. Чарли Марстон не сомневался, что жениться ему уже не суждено. Годы его сочтены. Он напишет письмо, в котором сообщит об удивительной находке, и оставит его у единственного стряпчего, которому может доверять — тот, возможно, давно забыл, что когда-то занимался делами семьи Марстон. Стало быть, головоломка складывается как нельзя лучше: он, Чарли, заканчивая свой земной путь, сделал все необходимое для того, чтобы после его смерти у старшего брата не осталось никакого повода для обид. Что тут нечестного? Такое решение успокаивало заскоружную совесть сквайра, брат же, по его мнению, ничего большего не заслуживал. Довольный своей хитростью, Чарли вышел на обычную вечернюю прогулку в лучах заходящего солнышка.

Возвращались они в сумерках. Пес, как обычно, плелся по пятам за сквайром и вдруг словно взбесился: принялся кругами носиться вокруг сквайра, опустил крупную голову чуть ли не до земли. Круги постепенно сужались, скачки становились все более лихорадочными, рык звучал все громче и свирепее. Глаза зверя горели злобным огнем, он оскалился, готовый броситься на сквайра. Красавчик крепко сжал тяжелую трость и, поворачиваясь вслед за зверем, наносил яростные удары, впрочем, не достигавшие цели. Вскоре Чарли так устал, что едва поднимал трость; казалось, он больше не сможет удерживать осатаневшего зверя на расстоянии, как вдруг пес застыл на месте и покорно подполз к ногам хозяина, виновато виляя хвостом.

Трудно было представить себе более униженное существо; когда сквайр все же наградил его парой тяжелых тумаков, пес лишь взвизгнул да скорчился от боли, не переставая лизать хозяину башмаки. Сквайр сел на поваленное дерево, а его бессловесный спутник, вновь обретя привычное настроение, принялся вынюхивать что-то среди корней. Сквайр ощупал нагрудный карман — пергамент был на месте. Здесь, в глухой чащобе, он еще раз задумался, что делать: отдать ли документ на сохранение в надежные руки, чтобы по его смерти пергамент был передан брату, или же уничтожить сразу. Он уже начал склоняться к последнему варианту, как вдруг вздрогнул от грозного рычания, раздававшегося совсем рядом.

Вокруг сквайра простиралась унылая старая роща, уходившая далеко на запад. Роща лежала в низине, и небольшая возвышенность ограничивала горизонт со всех сторон. Солнце уже село, однако призрачный красноватый отблеск, отраженный от облаков — я уже описывал это удивительное явление — заливал окрестности зловещим багряным светом, размывавшим очертания деревьев. Печальная роща казалась в этом таинственном сиянии еще более отрезанной от мира.

Сквайр встал и заглянул через плотный завал, образованный стволами упавших

деревьев. По другую сторону метался пес, чудовищно вытянувшийся, голова его казалась раза в два больше своей обычной величины. Ночной кошмар обрушился на Чарли наяву. Мерзкое существо просунуло голову между стволами и все дальше вытягивало шею; туловище его, извиваясь, просачивалось следом, словно чудовищная ящерица. Зверь протискивался между деревьев, рыча и сверкая глазами, словно хотел живьем сожрать несчастного сквайра. Хромая из последних сил, сквайр со всей мочи побежал из заброшенной рощи домой. Вряд ли он открыл бы кому-нибудь, какие отчаянные мысли проносились в эту минуту у него в голове. Пес вскоре поравнялся с ним; он совершенно успокоился и повеселел, теперь он ничем не напоминал гнусное чудовище, преследовавшее сквайра в кошмарах.

Ночью Чарли часов до десяти не находил себе места, а затем позвал лесника и сказал, что пес, похоже, взбесился; надо бы его пристрелить, причем тотчас же, не откладывая, прямо там, где он есть — в оружейной. Неважно, если дробинка-другая попадет в стенную обшивку, главное, чтобы пес не ушел.

Сквайр вручил леснику двустволку, заряженную крупной дробью, однако спустился с ним лишь до вестибюля. Шагал он, тяжело опершись на локоть лесника, впоследствии тот говорил, что рука хозяина дрожала, а сам он был «белее молока».

— Слышишь? — вполголоса проговорил сквайр.

Пес в ярости метался по комнате, угрожающе рычал, вспрыгивал на подоконник и обратно.

— Не промахнись, понятно? Не дай Бог уйдет. Входи в дверь боком и пали из обоих стволов!

— Не волнуйтесь, хозяин, не впервой бешеного пса пристреливать, — успокоил его лесник, взводя курок.

Едва лесник приоткрыл дверь, как пес метнулся в потухший камин. «Суций дьявол», по словам лесника, «в жизни такого не видывал». Зверь крутанулся вокруг себя, словно хотел выпрыгнуть в трубу — «да нипочем у него не выйдет», — и завопил — не завыл по-собачьи, а именно завопил, как человек, попавший в мельничное колесо. Не успел он выскочить, как лесник всадил в него дробь из одного ствола. Пес прыгнул на него, но, получив в голову второй заряд, перекувырнулся в воздухе и, хрипя, повалился к ногам лесника.

— В жизни такого дьявола не видал, — в ужасе вспоминал лесник. — А воет-то! Аж мороз по коже.

— Подох? — поинтересовался сквайр.

— Наповал, сэр, — откликнулся лесник, волоча животное за холку.

— Выбрось его в заднюю дверь, — приказал сквайр, — да не забудь ночью вышвырнуть за ворота — старина Купер говорит, это оборотень, — бледный Чарли через силу улыбнулся, — так что нечего ему валяться в Джайлингдене под ногами у добрых людей.

У сквайра гора с плеч свалилась. С неделю он спал на редкость крепко, и кошмары его не тревожили.

Людам свойственно, приняв благоразумное решение, медлить о его осуществлением, хотя известно: спешите делать добро. Зло обладает некой притягательной силой, и, если предоставить вещи самим себе, наши благие намерения вскоре рассыплются в прах. В один прекрасный день сквайр, охваченный суеверным ужасом, решил пойти на жертву и поступить с братом честно, однако вскоре примирился с собственной ложью, со дня на день откладывая восстановление брата в законных правах. Чарли решил тянуть с обнаружением документа сколько удастся, до тех пор, когда утаивать найденный пергамент и наслаждаться нынешним непрочным благополучием будет уже невозможно. Тем временем старший брат продолжал засыпать Красавчика злобными угрожающими письмами, в которых повторялось одно и то же — он-де, Скруп, камня на камне не оставит, чтобы доказать, что существовал неизвестный документ, который Чарли утаил или уничтожил, и не успокоится, пока не

отправит ненавистного соперника на виселицу. Эти угрозы основывались, конечно, лишь на смутных догадках. Поначалу они лишь бесили Чарли, однако он знал, что рыльце у него в пушку, и постепенно уверенность сменилась подавленным страхом. Пергамент представлял угрозу для его существования, и мало-помалу он пришел к мысли уничтожить его. Замысел созрел не сразу, Чарли долго колебался, шарахался от одной крайности к другой! Однако наконец он решился: злополучный пергамент, грозивший в любую минуту разорить и обесчестить его, был сожжен. Чарли вздохнул с облегчением, но тут на него навалились угрызения совести. И немудрено: ведь он совершил преступление! Малодушные приступы суеверного страха ушли навсегда. Их место заняли тревоги совсем иного рода.

В ту ночь Чарли проснулся оттого, что кто-то сильно встряхнул кровать. В неверном свете ночника он различил в ногах постели силуэты двух человек, державшихся за столбики балдахина. В одном из них Красавчику почудился его брат Скруп, но второй — вторым был старый сквайр, Чарли готов был поклясться в этом. Именно они немилосердно трясли кровать. В полусне Чарли услышал слова сквайра Тоби:

— Ах ты, негодяй, выгнал брата из собственного дома! Но довольно, твоя песенка спета. Мы сюда вернемся и останемся жить, тихо-мирно. Я тебя предупреждал, и ты знал, что делаешь. Доигрался? Теперь Скруп отправит-таки тебя на виселицу! Мы вместе тебя вздернем! Взгляни на меня, чертово отродье!

Лицо старого сквайра, изорванное выстрелом и залитое кровью, задрожало, вытянулось, приобретая все больше сходства с собачьей мордой; изогнувшись, старик принялся карабкаться на изножье кровати. Смутный силуэт по другую сторону, больше похожий на тень, тоже взобрался на кровать. Комнату наполнил шум, гам, хохот, кто-то шарил по постели, однако Чарли не мог разобрать ни слова. С отчаянным воплем он проснулся и обнаружил, что стоит на полу. Шум утих, призраки исчезли, однако в ушах Чарли звенел грохот разбитой посуды. Он огляделся — с каминной полки свалилась огромная фарфоровая чаша, в которой испокон веков крестили младенцев многие поколения Марстонов из Джайлингдена. На полу валялась лишь груда мелких осколков.

— Что-то мне всю ночь снился мистер Скруп. Не удивлюсь, старина Купер, если он помер, — сказал наутро Чарли верному дворецкому.

— Господи помилуй! Мне, сэр, он тоже снился, все ругался из-за дыры, прожженной в сюртуке, а старый хозяин — да пребудет с ним Бог! — сказал — да-да, вот прямо так и сказал, клянусь, сэр, это был он: «Купер, вставай, ворюга проклятый, и помоги его вздернуть. Это не мой пес, а бешеная шавка». Потом-то я вспомнил, старый дурень, что как раз накануне и застрелили вашего пса. Тут мне почудилось, что старый хозяин заехал мне кулаком, я проснулся и сказал: «К вашим услугам, сэр». Глядь, а хозяин все еще в комнате. Долго у меня тот сон из головы не шел.

Вскоре пришла новая порция писем из города. Братец Скруп, как выяснилось, не только не думал помирать, но был, как никогда, полон жизни. Поверенный сквайра Чарли не на шутку встревожился, случайно узнав, что Скруп хочет возбудить дело о дополнительном имущественном акте. Он узнал о существовании этого документа из третьих рук и рассчитывал, что с его помощью сумеет вернуть себе Джайлингден. Услышав о нависшей опасности, Красавчик Чарли прищелкнул пальцами и написал поверенному довольно храброе письмо, в котором, однако, умалчивал о дурных предчувствиях и еще кое о чем.

Скруп ответил громкими угрозами, ругался на чем свет стоит и напомнил о давнем обещании отправить прощелыгу-брата на виселицу. Однако тяжба не на жизнь, а на смерть, так и не начавшись, закончилась неожиданным миром. Скруп скончался, не успев даже оставить указания для посмертной атаки на брата.

Его сразила сердечная болезнь, внезапная и неотвратимая, как пуля. Чарли не скрывал восторга. Бурная радость его вызывала косые взгляды окружающих. Дело объяснялось не только природным злорадством; прежде всего, с души Красавчика свалилось бремя тайных страхов. К тому же ему выпало неожиданное везение: не далее как за день до смерти Скруп уничтожил завещание, по которому оставлял все свое имущество до последнего фартинга

совершенно постороннему человеку. Через день-другой он намеревался составить новое завещание, в пользу того же лица, обременив наследование неременным условием: успешно завершить судебный процесс против Красавчика Чарли.

В результате имущество Скрупа безо всяких условий перешло к его брату Чарли. Тут было чему радоваться. Однако нельзя забывать, что половина жизни Чарли ушла на взаимные нападки и оскорбления; ненависть к брату въелась слишком глубоко. Красавчик Чарли был злопамятен, в сердце его выстраивались самые разнообразные планы отмщения. Он с удовольствием запретил бы хоронить брата, согласно желанию того, в старинной Джайлингденской часовне; однако поверенные покойного оспорили его право распоряжаться телом усопшего, да и сам он понимал, что, посмей он отменить похороны, на которых будет присутствовать весь цвет местного общества, связанный с родом Марстонов давними дружескими узами, разразится грандиозный скандал, который отнюдь не прибавит ему уважения в свете.

Однако Чарли категорически запретил слугам присутствовать на похоронах и предупредил, подкрепляя свои слова несусветными ругательствами, что всякий, кто посмеет его послушаться, будет в тот же вечер с позором изгнан из хозяйского дома.

Вряд ли кто-нибудь из слуг, за исключением верного Купера, отнесся к запрету всерьез, тем более что такие развлечения нечасто случаются в сельской глуши. Купер, однако, был весьма обеспокоен тем, что старшего сына покойного сквайра хоронят в старинной семейной часовне, а обитатели Джайлингден-Холла не желают отдать усопшему последние почести. Он спросил хозяина, не намерен ли тот выставить в дубовой гостиной хоть какое-нибудь угощение на случай, если в дом заедет кто-то из соседей, желающих почтить память отпрыска древнего рода. Однако сквайр лишь грязно обругал его, велел знать свое место и отдал приказ не только не устраивать никаких приготовлений, но и, напротив, сообщать гостям, буде те явятся, что хозяина нет дома, то есть фактически выставить их вон. Купер упорно возражал, сквайр разозлился не на шутку; в конце концов, разразившись проклятиями, он схватил шляпу и трость и выскочил из дома. В ту же минуту в конце аллеи показалась похоронная процессия, направлявшаяся к часовне со стороны таверны «Старый ангел».

Старый Купер неутешно метался по поместью и из ворот пересчитывал экипажи. Когда похороны окончились и процессия отправилась в обратный путь, он вернулся в парадную залу. Дверь была открыта, внутри, как обычно, никого не было. Не успел он войти, как к дверям подъехала траурная карета. Из нее вышли два человека в черных плащах, с креповыми лентами на шляпах, и, не оглянувшись по сторонам, направились по лестнице в дом. Купер медленно направился за ними. В дверях он оглянулся — кареты не было; дворецкий решил, что она, наверно, обогнула дом и поехала во двор.

Следом за двумя незнакомцами в трауре Купер вошел в дом. В парадной зале его встретил слуга, сообщивший, что джентльмены в черных плащах прошли через вестибюль и, не снимая шляп и не спрашивая позволения, поднялись по лестнице. Странное самоуправство, подумал честный Купер и пошел наверх, чтобы выяснить, в чем дело. Но незнакомцев нигде не оказалось. С этой минуты дом потерял покой.

Очень скоро в доме не осталось ни одного слуги, не замечавшего, что творится неладное. В коридорах звучали невидимые шаги, приглушенные голоса; из-за углов галереи, из темных ниш доносился тихий смех, угрожающий шепот.

Служанки, посланные с поручением, возвращались ни с чем, напуганные до смерти, и получали нагоняй от тощей миссис Беккет, считавшей подобные рассказы досужей выдумкой ленивой прислуги. Однако вскоре даже неслгибавшей миссис Беккет пришлось изменить свои взгляды. Голоса начали тревожить и ее, причем, что самое худшее, непременно во время молитвы, времени которой пунктуальная дама не пропускала ни разу в жизни, и бесцеремонно обрывали ее. Стоило ей опуститься на колени, как откуда-то начинали доноситься обрывки слов и фраз, переходившие, по ее уверениям, в угрозы и страшные проклятия. Голоса звучали не только в спальне экономки. Бедной женщине

казалось, что они окликают ее прямо из стен, которые в этом старом доме были очень толстыми, раздаются в соседних комнатах, то по одну сторону от ее спальни, то по другую. Иногда они аукали из далеких залов, приглушенные, но все равно грозные, отдавались эхом в обшитых деревом коридорах. Приближаясь, они звучали все громче и яростнее, перебивая друг друга. Едва сия достойная женщина приступала к молитвам, как из-за дверей доносились гнусные богохульства. Она в ужасе вскакивала с колен, и тотчас же голоса стихали, и в ушах у несчастной раздавались лишь гулкие удары ее собственного сердца да звон натянутых нервов.

Спустя минуту после того, как голоса замолкали, миссис Беккет не могла вспомнить ни единого слова из того, что они говорили. Обрывки фраз вертелись в голове, но она никак не могла ухватить общего смысла призрачной речи. Насмешки, угрозы, богохульства, столь отчетливо звучавшие у нее в ушах, забывались в тот же миг. Насмешки и злобная брань ранили бедную женщину тем сильнее, что она, как ни старалась, не могла уловить их значения, лишь в душе оставался неприятный, тяжелый осадок.

Довольно долго сквайр, казалось, оставался единственным человеком в доме, не замечавшим, что творится вокруг. За неделю миссис Беккет дважды собиралась уволняться. Однако благоразумная женщина, прослужившая на одном месте более двадцати лет, обязательно подумает не один раз, прежде чем решится окончательно покинуть дом. Она да старый Купер — последние из слуг, кто помнил, как велись дела при старом сквайре Тоби. Новой челяди было немного, и нанимались они от случая к случаю. Мэг Доббс, горничная, перестала ночевать в доме; в сопровождении младшего брата она уходила по вечерам в отцовскую сторожку у ворот. Старая миссис Беккет, державшая в ежовых рукавицах всю временную прислугу угасшего Джайлингдена, растеряла весь свой боевой дух и велела миссис Кайме и кухарке переставить свои кровати в ее большую полутемную комнату, где и делила с ними ночные страхи.

Старого Купера эти разговоры выводили из себя. Ему хватало и того, что в дом без позволения проникли двое закутанных в плащи незнакомцев. Уж это-то были не выдумки, он видел их собственными глазами. Он отказывался верить в рассказы служанок, предпочитая думать, что двое плакальчиков, не найдя никого, кто встретил бы их, незаметно покинули дом и ушли.

Однажды ночью старого Купера вызвали в дубовую гостиную, где курил сквайр.

— Слышь, Купер, — начал сквайр, бледный от злости, — какого черта ты пугаешь чокнутых баб дурацкими выдумками? Черт побери, если ты видел тут привидения, значит, тебе в этом доме больше не служить, собирай вещи. Я без слуг не останусь. Явилась тут ко мне старая Беккет, а с ней кухарка и судомойка, все белые, как бумага, и требуют, чтобы я позвал священника! Дьявола, мол, нужно изгнать! Будь я проклят, ты человек неглупый, какого черта ты забиваешь им головы всякой ерундой? А Мэг, та каждый вечер уходит в сторожку, боится ночевать в доме, и все из-за твоей ведьмовской болтовни, старый придурок!

— Я тут ни при чем, мастер Чарльз. Никогда в жизни я им такой чепухи не рассказывал, это вам миссис Беккет подтвердит. Тут в доме много всяких кривотолков ходит. Мало ли что я об этом думаю, — многозначительно проговорил старый Купер и с неодобрением взглянул на перепуганного сквайра.

Сквайр отвел глаза, что-то сердито пробормотал про себя, подошел к камину и выбил пепел из трубки, потом резко повернулся к Куперу и заговорил. На сей раз в голосе у него не было прежней злости.

— Я знаю, старина, ты не дурак, если захочешь. Положим даже, что тут и впрямь завелось привидение. Так подумай сам, с какой стати оно станет показываться этим дурехам? Не забивай себе голову черт знает чем, старина. Я же не дергаюсь из-за этих привидений. У тебя самого, Купер, есть голова на плечах, так что не хлопай ушами, как говаривал мой отец. Не давай им валять дурака, старина, и пусть поменьше мелют языком, а то в народе уже поговаривают, что в Джайлингдене творится неладное. Сдается мне, старина, тебе эти толки

не по нраву придутся. В кухне никого нет, ступай-ка разведи огоньку да набей себе трубку. Я докурю вот это и приду к тебе, покурим вместе да пропустим по стаканчику бренди с водой.

Старый дворецкий, для которого подобные излишества были не в диковинку, спустился в кухню. Хозяйство в заброшенном доме пришло в упадок, строгий распорядок давно не соблюдался. Да не осудят сквайра слишком строго городские жители, привыкшие с разбором относиться к собеседникам: у бедняги было не так много общества.

Наведя в большой старинной кухне порядок, Купер опустился в кресло, вытянув ноги к каминной решетке. В огромном бронзовом подсвечнике, стоявшем на неструганном столе между бутылкой бренди и парой стаканов, горела одинокая свеча. Рядом ждала хозяина набитая трубка. Закончив приготовления, старый дворецкий, помнивший лучшие времена и лучших господ, погрузился в размышления и незаметно крепко уснул.

Разбудил Купера чей-то смех, зазвучавший где-то совсем рядом. Дворецкому снились старые добрые времена, когда он служил в Кембриджском колледже, и ему почудилось, что над ним подшутил кто-то из «молодых господ». Он пробормотал что-то сквозь сон, однако громкий голос вывел его из забытья. Голос сурово произнес: «Ты не был на похоронах. Я мог бы забрать твою жизнь, однако заберу лишь ухо».

Жгучая боль обожгла голову дворецкого, он вскочил на ноги. Огонь погас, в комнате стало прохладно. Свеча догорала, на беленых стенах плясали длинные, от пола до потолка, причудливые тени. В их призрачных очертаниях Куперу почудились силуэты двух человек в плащах, о которых он не мог вспоминать без содрогания.

Дворецкий схватил свечу и со всех ног помчался по коридору, чтобы поскорее, пока не погасла свеча, добраться до своей комнаты. На стенах плясали те же причудливые тени. Заслышав внезапный звон хозяйского колокольчика прямо у себя над головой, бедняга чуть не сошел с ума от испуга.

— Ага! Вот он где — ну да, конечно, — проговорил Купер, успокаивая себя звуком собственного голоса, и поспешил дальше, а проклятый звон гремел все настойчивее. — Уснул, поди, как и я; и свеча, небось, у него потухла, ставлю пятьдесят...

Он добежал до дубовой гостинной и повернул дверную ручку.

— Кто там? — рявкнул сквайр, словно боялся, что на пороге покажутся разбойники.

— Это я, ваш старый Купер. Не бойтесь, мастер Чарли. Вы так и не пришли в кухню.

— Худо мне, Купер, очень худо. Не знаю, что со мной. Ты никого не встречал? — простонал сквайр.

— Никого, — ответил Купер.

Они внимательно посмотрели друг на друга.

— Пойди сюда, посиди со мной. Не оставляй меня одного! Обыщи комнату, успокой меня, скажи, что все в порядке! Дай мне руку, старина Купер. — Рука сквайра тряслась, была холодной и влажной. До рассвета оставалось уже недолго.

Помолчав немного, сквайр заговорил снова:

— Да, я в жизни много натворил того, чего не надо было, а теперь и ходить-то толком не могу. Мне, с Божьей помощью, пора и о будущем подумать. Что я, хуже других? Правда, хромаю, как старый козел, и никогда не смогу как следует ноги передвигать. Вот брошу пить и женюсь, давно пора. Да не на какой-нибудь вертихвостке, а на порядочной девушке, чтобы была в доме хорошей хозяйкой. Вот младшая дочка фермера Крампа — очень благоразумная девица. Почему бы не на ней? Будет обо мне заботиться да не забивать себе голову всякой ерундой, книжками да нарядами. Поговорю вот со священником, испрошу позволения да женюсь, как человеку положено. Помнишь, что я сказал? Много я наделал такого, о чем теперь жалею.

За окном занялась холодная серая зоря. Сквайр, по словам Купера, был «краше в гроб кладут». Вместо того, чтобы лечь спать, как советовал Купер, он взял шляпу и трость и отправился на прогулку. В глазах у него было столько ужаса и растерянности, что ясно было: ему просто нужно убежать из дома куда глаза глядят. Вернулся сквайр часов в двенадцать. Он прошел на кухню, рассчитывая встретить там кого-нибудь из слуг, и выглядел так, словно

за одну ночь постарел лет на десять. Не произнеся ни слова, он придвинул табуретку к огню и сел. Купер загодя послал в Эпплбери за доктором, тот был уже здесь, однако сквайр не захотел к нему идти.

— Если хочет меня видеть, пусть сам сюда придет, — пробормотал он в ответ на просьбу Купера. Доктор с опаской заглянул в кухню и нашел сквайра много хуже, чем ожидал.

Сквайр упорно отказывался лечь в постель. Однако доктор заявил, что речь идет о жизни и смерти, и тот вынужден был покориться.

— Ладно уж, будь по-вашему, только вот что: пусть со мной останутся старина Купер да лесник Дик. И пусть не спят ночами, а то мне нельзя оставаться одному. И вы, доктор, тоже останьтесь ненадолго. Вот поправлюсь немного и перееду в город. Скучно здесь стало с тех пор, как я ничего не могу делать по-своему. Там я заживу получше, поняли? Вы слышали, что я сказал, и можете смеяться сколько хотите. Все равно пойду к священнику и женюсь. Люблю, когда надо мной смеются, черт бы их всех побрал, это значит, что я прав.

Опасаясь, что пациент действительно устроит все так, как задумал, доктор прислал из больницы графства пару сиделок и вечером отправился в Джайлингден, чтобы встретиться с ними. Старому Куперу было велено остаться в гардеробной и сидеть там всю ночь, к вящему удовольствию сквайра, пребывавшего в состоянии непонятного возбуждения. Он был очень слаб, и, по словам доктора, ему грозила лихорадка.

Вечером пришел священник, седой добродушный старичок, настоящий «книжный червь». Он допоздна беседовал со сквайром и молился вместе с ним. После его ухода сквайр подозвал к кровати сиделок и сказал:

— Тут иногда приходит один мужик, так вы его не бойтесь. Он заглядывает в дверь и машет рукой. Тощий такой горбун в трауре, в черных перчатках. И лицо у него тощее, желтое, как доска. Иногда улыбается. Не выходите вслед за ним и внутрь не зовите, он ничего не скажет. А коль рассердится на вас, все равно не бойтесь, он вас не обидит. Постоит-постоит, надоест ему ждать, и уйдет. Слыхали, что я сказал: не зовите его и следом не выходите! Смотрите не перепутайте!

Когда сквайр закончил свою речь, сиделки отошли в сторону и шепотом посовещались со старым Купером.

— Господь с вами! Нет в этом доме никаких сумасшедших, — запротестовал он. — Никого нет, кроме тех, кого вы видели. Мастеру Чарльзу разве что лихорадка мозги повредила, а так больше никого нет.

Ночью сквайру сделалось хуже. Он метался в лихорадке, болтая обо всем на свете — о вине, о собаках, о стряпчих, а потом вдруг принялся разговаривать со своим братом Скрупом. Едва он начал говорить, сиделка, миссис Оливер, услышала, как снаружи на дверную ручку тихо легла чья-то рука.

— Господи Боже! Кто там? — вскрикнула она и вспомнила о зловещем горбуне в трауре. С замиранием сердца она ждала, что он вот-вот заглянет в дверь, улыбнется и поманит рукой. — Мистер Купер! Сэр! Вы здесь? — кричала она. — Подойдите сюда, мистер Купер, пожалуйста, скорее, сэр, скорее!

Старый Купер, дремавший у камина, вышел, спотыкаясь, из гардеробной, и миссис Оливер в ужасе бросилась к нему.

— Там, в дверях, человек с горбом, мистер Купер, он хочет войти! — Сквайр стонал в забытьи и что-то бессвязно бормотал.

— Нет, нет, миссис Оливер, не может быть, нет в доме никакого горбуна. Что там говорит мастер Чарли?

— Он то и дело повторяет «Скруп», не знаю уж, что это такое, и... и... тс-с-с! Слушайте! Опять кто-то трогает дверную ручку. Ай! Голова в дверях! — громко завизжала сиделка и, трепеща, вцепилась в Купера обеими руками.

Пламя свечи затрепетало, у двери заплясала неверная тень, напоминавшая человеческую голову на длинной шее, с крючковатым острым носом, которая словно кивала,

то заглядывая в комнату, то исчезая.

— Не говорите глупостей, мэм! — вскрикнул Купер, побледнев, и изо всех сил встряхнул перепуганную сиделку. — Говорю вам, это всего лишь свеча шалит, и больше ничего! Вот, видите? — Он поднял светильник. — В дверях никого нет, и, если вы меня отпустите, я схожу и посмотрю.

Вторая сиделка спала на диване. Миссис Оливер разбудила ее, чтобы не было страшно оставаться одной, а старый Купер распахнул дверь. За ней, как он и ожидал, никого не было, однако за поворотом галереи мелькнула смутная тень, похожая на ту, что только что кивала у порога спальни. Дворецкий приподнял свечу — тень, как показалось, махнула рукой.

— Это тень от светильника! — заявил Купер, решив не поддаваться панике. Со свечой в руке он пошел по коридору. Там никого не было. Он не удержался и заглянул за угол — в конце длинной галереи мелькнула та же самая тень. Сделал шаг вперед — тень точно так же махнула рукой и исчезла.

— Пустое! — сказал Купер. — Всего лишь тень от свечи. — Он пошел дальше, отчасти сердясь, отчасти пугаясь странной настойчивости, с которой маячила впереди уродливая тень — а он не сомневался, что это и вправду всего лишь тень. Едва он приблизился к месту, где видел ее мгновение назад, как тень словно сгустилась и растворилась в резной створке старинного шкафа. На средней створке этого шкафа была вырезана выпуклая волчья голова. Свет упал на нее, и непокорная тень возникла снова, столь же уродливая, как минутой раньше. Сверкнул отраженным блеском звериный зрачок, оскалилась чудовищная пасть. Взору испуганного дворецкого предстал длинный острый нос Скрупа Марстона, яростным взглядом впился в него горящий глаз.

Бедный Купер застыл на месте, не в силах шелохнуться. Мало-помалу из дерева выплывало призрачное лицо, а следом за ним — черное тощее тело. В ту же минуту в боковой галерее зазвучали грозные голоса. Они быстро приближались, и с криком «Господи помилуй!» старый Купер помчался обратно. За спиной у него раздавался дикий вой, словно по старому дому пронесся бешеный порыв ветра. Обезумев от страха, Купер ворвался в комнату хозяина, захлопнул дверь и дважды повернул ключ. Вид у него был такой, словно за ним гналась толпа убийц.

— Слышали? — прошептал Купер, остановившись возле дверей гардеробной. Все прислушались, но ночную тишину не тревожил ни единый шорох. — Господи помилуй! Я, кажись, совсем рехнулся на старости лет, — воскликнул он и не стал рассказывать им ничего о случившемся, лишь повторял, что на него, «старого дурня», разговор о привидениях нагнал такого страха, что теперь, «чуть окно скрипнет или булавка упадет», как его бросает в дрожь. Прихлебывая для храбрости бренди, он до утра просидел у камина в спальне хозяина, болтая с миссис Оливер и ее подругой.

Сквайру постепенно становилось лучше, однако он так до конца и не оправился от мозговой лихорадки. По словам доктора, любой пустяк мог вывести его из равновесия. Доктор рекомендовал Красавчику Чарли перемену обстановки, однако пока что больному не доставало сил уехать, как он мечтал, в город. Куперу приходилось каждую ночь спать в гардеробной. Теперь со сквайром на ночь оставался он один. Больной приобрел странные привычки: он любил, полулежа в постели, выкурить на ночь длинную трубку и заставлял за компанию курить и Купера. В тот вечер сквайр и его скромный друг молча наслаждались хорошим табаком. Докурив третью трубку, сквайр завел разговор, причем тема, избранная им, не понравилась старому Куперу.

— Слышь, старина, посмотри мне в лицо и скажи не таясь, — начал сквайр, с хитрой усмешкой взглянув на дворецкого. — Ты не хуже меня знаешь, кто все это время находится в доме. Это ведь Скруп и мой отец, верно? Не отпирайся.

— Что вы такое говорите, мастер Чарли, — после долгого молчания ответил Купер, и в суровом голосе его звучал страх.

На лице сквайра застыла прежняя дьявольская усмешка.

— К чему лукавить, Купер? Это ведь Скруп сделал тебя глухим на правое ухо — сам

знаешь, что он. Сердится. Едва на тот свет меня не отправил этой лихорадкой. Но ему не удалось со мной разделаться, вот и злится. Ты же его сам видел — видел, видел, не отпирайся.

От этих слов у Купера душа ушла в пятки, а странная усмешка на губах сквайра пугала его еще больше. Выронив трубку, он молча стоял, глядя на хозяина, и не знал, снится ему это или происходит наяву.

— Коли так, напрасно вы смеетесь, — мрачно ответил Купер.

— Я устал, Купер, и мне теперь все равно: смеяться или еще что. Уж лучше посмеюсь. Ты сам знаешь, для чего они пришли: со мной разделаться. Вот что я хотел тебе сказать. А теперь иди отсюда со своей трубкой, я спать хочу.

Сквайр повернулся набок, положил голову на подушку и безмятежно задремал. Старый Купер посмотрел на него, перевел взгляд на дверь, затем налил себе бренди и осушил стакан. Подкрепив таким образом свою храбрость, он, как обычно, лег спать в гардеробной.

В глухую полночь его разбудил сквайр. В халате и шлепанцах он стоял возле кровати дворецкого.

— У меня для тебя подарочек. Вчера я получил с Хейзелдена арендную плату — так вот, пятьдесят фунтов можешь оставить себе, а вторую половину отдашь завтра Нэнси Карвелл. А я пойду посплю. Видел нынче Скрупа — он, в конце концов, не такой уж негодяй! Я сказал, что не могу его видеть, так он надел на лицо траурную повязку. Я бы теперь что хочешь для него сделал. В трусости меня не упрекнешь. Доброй ночи, старина! — Трясущейся рукой сквайр похлопал старика по плечу и вернулся в свою комнату.

«Не нравится он мне. И доктор редко показывается. Ухмылка у него какая-то чудная, и рука холодная, как у покойника. Надеюсь, он не повредился в уме», — поразмыслив таким образом, Купер перешел к более приятной теме, а именно к полученному подарку, и в конце концов крепко заснул.

Когда наутро он заглянул в комнату сквайра, того не было в постели. «Ничего страшного, вернется, что твой неразменный пятак», — подумал Купер, прибираясь в комнате, как обычно. Но сквайр не возвращался. Вскоре стало ясно, что его нет в доме. Поднялась паника. Что с ним стряслось? Одежда была на месте, не хватало лишь халата да шлепанец. Неужели сквайр, больной, ушел из дому в таком странном наряде? И коли так, в своем ли он уме? Разве может человек в таком платье выжить под открытым небом ночью, в непогоду, в холод и сырость?

Вскоре в дом пришел Том Эдвардс. Он рассказал, что глухой ночью, часов около четырех — а ночь была безлунная — затемно отправился вместе с фермером Ноксом в телеге на базар. В темной аллее примерно в миле от дома им повстречались три человека. Всю дорогу от Джайлингден-Лодж до старинной часовни они шагали впереди лошади. Кладбищенские ворота были открыты. Трое неизвестных вошли, и ворота захлопнулись. Том Эдвардс подумал, что они идут подготовить место для похорон кого-то из семьи Марстонов. Однако старый Купер знал, что никто в доме не умирал, и такое происшествие показалось ему зловещим.

Он принялся тщательно обыскивать дом и в конце концов вспомнил о заброшенном верхнем этаже, о Спальне царя Ирода. Там все оставалось по-прежнему, только дверь чулана была заперта. В утреннем сумраке взгляд дворецкого остановился на непонятном предмете, похожем на большой белый бант, свисавший с дверного косяка.

Дверь открылась не сразу: ее тянула к полу какая-то тяжесть. Наконец дверь поддалась, и тотчас же дом содрогнулся от страшного грохота. По тихим коридорам прокатилось раскатистое эхо, похожее на затихающий вдали смех. Дворецкий распахнул дверь — на полу лежало мертвое тело его хозяина. Галстук стягивал шею, как петля на виселице. Тело давно остыло.

Проведя, как положено, служебное расследование, коронер произнес окончательный приговор: «*Покойный Чарльз Марстон в состоянии временного умопомрачения наложил на себя руки*». Однако у старого Купера было свое мнение относительно смерти несчастного сквайра, хотя он до конца жизни держал рот на замке. Купер уехал из Джайлингдена и благополучно дожил остаток своих дней в Йорке, где люди до сих пор помнят угрюмого молчуна, исправно ходившего в церковь. Он, правда, немного выпивал, однако, говорят, оставил после себя кой-какие деньжата.